

ОБРАЗ ДОН КИХОТА В ДИХОТОМИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ)

The Image of Don Quixote in the Dictionary “Native – Alien”
(Linguoimagological and Ethnopsychological Approaches)

Людмила Петровна Иванова
lupiv1303@gmail.com

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
(Киев, Украина)

Liudmyla P. Ivanova
lupiv1303@gmail.com

National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 14.01.2021

Fecha de evaluación: 08.12.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 105 - 115

РЕЗЮМЕ

В статье на базе лингвоимагологии, изучающей образ народа и страны в видении другого народа, а также этнопсихологии, в фокусе внимания которой находится этническая психология, анализируется эволюция образа Дон Кихота в рамках дихотомии «свой — чужой». Удалось выявить, что в начале XVIII в., когда роман М. де Серавантеса был переведен на русский язык, Дон Кихот был «чужим», хотя и универсально-прецедентным именем. Со временем (XX — XXI вв.) это имя собственное стало национально-прецедентным и даже концептом русского (а возможно, и восточнославянского, но это требует дополнительных исследований) языкового сознания и культуры. Переходный момент этого процесса — коннотонимизация, отраженная в словаре Е.С. Отина.

В статье рассматриваются лингвоимагологические и этнопсихологические факторы, повлиявшие на освоение образа Дон Кихота, благодаря которым он стал «своим» в русской культуре.

Ключевые слова: Дон Кихот, лингвоимагология, этнопсихология, коннотонимизация, «свой-чужой».

ABSTRACT

The research is based on the methodology of linguoimagology, which studies the image of people and a country in the perspective of other nations, as well as ethnopsychology, which focuses on the psychology of ethnically related groups. The author analyzes the evolution of Don Quixote's image in the dichotomy «native-alien» and proves that in early XVIII century, when M. Cervantes's novel was first translated into Russian, Don Quixote was an «alien» name, though a universal precedent phenomenon. In length of time (XX — XXI centuries), the name has become a national precedent and a concept in Russian linguistic consciousness and culture (possibly even East Slavic, but this hypothesis requires additional research). A transitional moment is connotonimization which is reflected in the dictionary of E.S. Otin.

The paper examines the linguoimagological and ethnopsychological factors that caused assimilation of Don Quixote's image in Russian culture, changing its status from «the alien» to «the native».

Keywords: Don Quixote, linguoimagology, ethnopsychology, connotonimization, «native-alien».

Образ Дон Кихота широко известен во всем мире, он вошел в цивилизационный простор, имя его стало универсально-прецедентным. В какой-то мере его удивительную историю и популярность объясняет не менее удивительная судьба его создателя — Мигеля де Сервантеса Сааведра: учился в коллегии иезуитов, был солдатом испанской армии, отличился в морской битве европейского флота с турками при Лепанто, был захвачен пиратами и продан в рабство Алжирскому паше, через несколько лет был выкуплен миссионерами, писал драмы и романы, работал комиссаром по закупке провианта для «Непобедимой Армады», а позже — сборщиком недоимок, трижды попадал в тюрьму. Первая часть «Дон Кихота», по мнению литературоведов, была во многом итогом личной жизни писателя, полной героических дерзаний и катастрофических неудач (Пинский 1971: 787).

Наблюдения показывают, что в разных культурах данный образ оценивается по-разному, то есть при переходе в категорию национально-прецедентных имен он видоизменяется. Попытаемся выяснить, чем обусловлены данные изменения.

Цель нашего исследования — выявить культурные, этнические и психологические факторы, обусловившие то или иное видение Дон Кихота. В работе используются подходы к рассматриваемой проблеме с позиций различных направлений языкознания, поэтому были задействованы лингвоимагологические, этнопсихолингвистические, лингвокультурологические методы и приемы для решения следующих задач: охарактеризовать языковое (грамматическое, графическое, деривационное), лингвокультурологическое (коннотонимизация) освоение рассматриваемого образа; проанализировать этнопсихологические предпосылки вхождения образа Дон Кихота в русскую культуру; описать лингвокультурологический концепт «Дон Кихот».

Актуальность исследования состоит в том, что вхождение образа Дон Кихота в русское языковое сознание представлено как многоаспектный процесс, включающий в себя языковое, культурное, этнопсихологическое освоение. Предложен путь для аналогичных разысканий, посвященных анализу освоения того или иного образа другими языками и культурами.

Начнем с известных нам описаний восприятия Дон Кихота разными народами. Так, по свидетельству В.В. Красных, «для испанцев Дон Кихот — человек не слишком большого ума, занимающийся ненужными вещами (данные О.М. Мунгаловой)» (Красных 2002: 89-90). «Для шведов же или американцев Дон Кихот — человек, занятый бесполезным и бесплодным занятием» (Красных 2002: 90).

Немец Л. Фейхтвангер, глубоко понявший и воспринявший ментальность и культуру испанцев, в романе «Гойя» не только трактует рассматриваемый образ, но и стремится выделить одну из причин указанного восприятия: «К концу XVIII столетия испанский уклад застыл в трагической неподвижности. Еще за двести лет до того величайший писатель Испании взял своей темой эту мрачную, нелепую волю к сохранению традиции. Он создал неумирающий образ рыцаря, который не хочет отказываться от потерявших всякий смысл старых рыцарских обычаев; его обаятельный герой — и трогательный, и чудаковатый — прославился на весь мир. Испанцы смеялись над Дон Кихотом, но продолжали крепко держаться традиций» (Фейхтвангер 1955: 65).

Таким образом, для западноевропейцев, и прежде всего испанцев, Дон Кихот небольшого ума, смешон, чудаковат, занимается бесполезными вещами, хотя он обаятелен и трогателен.

Попробуем определить причины подобного восприятия.

Для Л. Фейхтвангера, как указывалось, это «нелепая воля к сохранению традиции». Этнопсихологи видят ситуацию иначе. Среди важнейших особенностей национальной психологии испанцев называют их непрехотливость относительно материальных условий жизни, а также ориентацию на приоритет духовных и идейных ценностей в противовес материальным, культивирование религиозности, набожности, духа благородства, чести и доблести в обществе. «У них сформировалось устойчивое предубеждение к напряженной трудовой деятельности, основывающееся на представлении о ее несовместимости с благородством и достоинством человека... Дух поиска приключений стал неотъемлемой чертой национального сознания испанцев» (Мельникова 2009: 161).

В образе Дон Кихота неоспорим приоритет духовных ценностей, благородства (что стало практически постоянным эпитетом в романе Сервантеса — «благородный рыцарь»). Основное содержание романа — поиски приключений, включая бой с ветряными мельницами, что, по всей вероятности, обусловило отрицательное и насмешливое восприятие хитроумного идальго.

В современной Европе «главное для личности — индивидуальная свобода, которая обеспечивается правовым устройством социальной жизни и формирует в человеке рационализм, прагматизм, направленность к социальному и материальному преуспеванию» (Мельникова 2009: 32). Указанные факторы, на наш взгляд, являются причиной восприятия Дон Кихота как человека небольшого ума, занимающегося ненужными вещами.

Иная ситуация в русской культуре. Согласимся с оценкой В.В. Красных: «Для русских Дон Кихот — доблестный, бескорыстный, подчас наивный борец за справедливость, с возможной минимизацией данного набора, вплоть до одного дифференциального признака, например, в зависимости от контекста — может подразумеваться только бескорыстие» (Красных 2002: 89-90).

Вне всякого сомнения, Дон Кихот для нас — национально-прецедентное имя, поскольку, с одной стороны, оно удовлетворяет всем критериям категории прецедентного имени: «Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов... (например, Куликово поле, «Летучий голландец»), обозначая при этом одно понятие» (Красных 2002: 48). Дифференциальными признаками являются внешность, характер, прецедентная ситуация.

Благодаря экранизациям и живописным полотнам Дон Кихот предстает в нашем сознании: 1) тощим, облаченным в рыцарские доспехи, с жиденькой бородкой, на таком же тощем коне Росинанте, 2) смелым, благородным, 3) борющимся с ветряными мельницами. С другой стороны, именно национально-прецедентным его делает кардинальное отличие в восприятии и трактовке по сравнению с западноевропейскими культурами.

Национально-прецедентные имена, даже заимствованные, начинают жить в языковом сознании собственной жизнью.

Термин «заимствование» обычно рассматривается в сфере лексикологии и трактуется неоднозначно: как языковой процесс (Л. Блумфилд, Л.П. Крысин, А.П. Майоров и др.), как его результат, то есть сама заимствованная единица (О.С. Ахманова, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, Э. Хауген, В.Н. Ярцева и др.) и, наконец, как процесс освоения иноязычных слов средствами принимающего языка (Н.М. Шанский). Для нас заимствование — как многофакторный процесс, протекающий в рамках когнитивной контактологии, так и его результат, обусловленный лингвоимагологическими и этнопсихологическими факторами.

По нашим наблюдениям, национально-прецедентные имена подвергаются коннотонимизации. Е.С. Отин создал уникальный «Словарь коннотативных собственных имен». В издании 2004 года представлено 403 имени, сформировавшихся на разных этапах истории русского языка, от XVIII века и до наших дней. Обратимся к указанному источнику.

«Дон Кихот... Варианты: Дон-Кишот (XVIII — XIX вв.), Дон-Кисхот (XVIII в.), Дон-Кишод (XVIII в.). Главный персонаж романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (1606 – 1615 гг.). *В этот момент он страшно походил на Дон-Кихота, подброшенного крылом мельницы (Репин И.Е. «Далекое близкое»).* Каждое значение сопровождаем одним примером из «Словаря коннотативных собственных имен», хотя там приводится как минимум 3.

1. *Благородный мечтатель, человек кристальной честности. Тип этот — тип Дон-Кихота революции, старика 89 года, доживающего свой век на хлебах своих внучат, разбогатевших французских мецан, — он не раз наводил на меня ужас и тоску (Герцен А.И. «Концы и начала»).*
2. *Наивный и бесплодный мечтатель, наивный идеалист... Как-то так, роковым образом выходило, что начинал он мягко, ласково, с добрыми намерениями, называя себя старым студентом, идеалистом, Дон-Кихотом... (Чехов А.П. «В усадьбе»).*
3. *Фанатик. Он — Дон-Кихот, упрямый фанатик, маньяк, — думал Петр Михайлович, — а она такая же рыхлая, слабохарактерная и покладистая, как я... (Чехов А.П. «Соседи»).*
4. *Человек нелепого поведения, шут (устар.) Под словом «Дон Кихот» мы часто подразумеваем просто шуту, — слово «донкихотство» у нас равносильно со словом: нелепость, — между тем как в донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны» (Тургенев И.С. «Гамлет и Дон Кихот»)* (Отин 2004: 129-130).

Помимо убедительного перечня значений, в данной цитате обращает на себя внимание следующее: если первые две коннотации общеизвестны и не подвергаются сомнению в качестве национального видения, то четвертая, с пометкой «устар.», явно тяготеет к западноевропейским представлениям. По всей вероятности, на данную коннотацию наложило отпечаток то, что И.С. Тургенев, проведший значительную часть жизни во Франции, будучи эрудитом, проникся, помимо русских, и западноевропейскими ценностями.

Обратим внимание на так и не утвердившееся в русском языке написание — через дефис или без него, хотя в последних толковых словарях, о которых мы будем писать ниже, принята форма «Дон Кихот».

Еще один фактор, свидетельствующий об освоенности прецедентного имени Дон Кихот в русской культуре, является его символизация (вспомним прекрасный советский кинофильм «Дети Дон Кихота» с А. Папановым в главной роли) и использование в других видах искусства (экранизации романа М. Сервантеса, одноименный балет Минкуса, живописные полотна и др.).

Об вхождении коннотонима «Дон Кихот» в русский язык и культуру свидетельствует и довольно разветвленное словообразовательное гнездо, приводимое, в частности, Е.С. Отиным:

1. **Донкихотство:** а) Великодушие и благородство; способность к самопожертвованию во имя благородной идеи. *Да, я за принципиальность, за полную отдачу, за донкихотство (из интервью с Е.Ф. Светлановым);* б) Разрыв мечты и действительности; наивный идеализм; витание в облаках. *Он не только не Сервантес, он и не Дон-Кихот и к донкихотству не склонен (Ильф И., Петров Е. «Любовь должна быть обоюдной»);* в) Нелепый поступок, бестолковое поведение, сумасбродство. *Ведь теперь явилось в русском характере донкихотство, которого никогда не было! Просвещение придет к нему на ум — сделается Дон-Кихотом просвещения: заведет такие школы, что дураку в ум не войдет! (Гоголь Н.В. «Мертвые души»).*
2. **Донкихотский.** Отвлеченный, расплывчатый; бесплотный. *Это уж какая-то чересчур рыцарская и донкихотская любовь, не имеющая ни плоти, ни формы (Писемский А.Ф. «Тысяча душ»).*
3. **Донкишотизм** (XVIII в.) Наивный идеализм, пустая мечтательность (Кн. Николай Васильевич) *«меньше об военном говорит ремесле, не делая оному преимуществ выше всего в свете: сие пахнет донкишотизмом» (из письма Н.Н. Бантыша-Каменского кн. А.Б. Куракину, 90-е годы XVIII в.).*
4. **Донкисхотисмо** (начало XVIII в.), ср., нескл. Фонографическая адаптация франц. Don-quachottisme. Значение — то же. *Я бы в отчаянии был видеть между моими одноземцами...оное Донкисхотисмо... («Рассуждение о оказательствах к миру»..., перевод с франц. яз. на рос. Спб, 1720).*
5. **Донкихотствовать.** Устар. вариант — **донкишотствовать.** Вести себя, как Дон-Кихот — в одном из значений этого литературного антропонима (чаще: как наивный, пустой мечтатель-идеалист; совершать нелепые поступки). *Храня обычаи, обряды, Не донкишотвуешь собой (Державин Г.Р. «Фелица»)* (Отин 2004: 130-131).

В данном словообразовательном гнезде обращает на себя внимание следующие:

- а) первое, самое распространенное слово — донкихотство — наиболее соответствует современным представлениям о данном образе; остальные дериваты ближе к первоисточнику, западноевропейскому пониманию, они относятся к XVIII веку. Следовательно, русские коннотонимы постепенно вычленились из западноевропейских, не утрачивая полностью связей с ними.

- б) разветвленное словообразовательное гнездо свидетельствует об укорененности слова в русском языке, а в нашем случае — и в культуре: донкихот, Донкихот, дон-Кихот, дон-Кихот, дон-кишот, дон-Кишот, донкихотский, донкишотский, донкихотство, донкихотствовать, донкишотствовать, донкишотский, донкишотствовать. Аналогичные сведения приводит Сводный словарь русского языка (Сводный словарь 1991: 294).

В связи с данными наблюдениями возникает вопрос: не является ли Дон Кихот концептом русской культуры (оставаясь бесспорно национально-прецедентным именем)? Как правило, концепты обозначаются нарицательными именами существительными. Чаще — абстрактными. Однако в авторитетнейшем словаре Ю.С. Степанова (Степанов 2000) в качестве концептов приводятся Буратино, Кашей Бессмертный, Баба-Яга. Если последние два — персонажи русского фольклора, то Буратино — блестящая переделка А.Н. Толстым повести для детей итальянского писателя Карло Коллоди «Приключения Пиноккио, история куклы из кукольного театра» (1880 г.).

О концептах написано так много, что нет смысла повторяться. Думается, Дон Кихот удовлетворяет кратчайшему определению Ю.С. Степанова «сгусток культуры в сознании». Рассмотрим формальный признак концепта — слоистое строение, используя функциональный метод (Иванова 2020: 85-97). С этой целью обратимся к авторитетным современным толковым словарям А.Н. Булыко, Л.П. Крысина, С.А. Кузнецова, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова:

«Дон Кихот (герой романа испанского писателя Сервантеса [1547 – 1616]) — наивный мечтатель, фантазер, который бесплодно борется за высокие, неосуществимые идеалы» (Булыко 2008: 209).

«Донкихот ... [по имени Дон-Кихота, героя одноименного романа испанского писателя Сервантеса] — наивный мечтатель, самоотверженно борющийся за идеалы добра. **Донкихотство** — поведение донкихота. Донкихотствующий — относящийся к донкихоту, донкихотам» (Крысин 2007: 270).

«Донкихот ... Фантазер, наивный мечтатель, бескорыстно, но бесплодно борющийся за неосуществимые идеалы. *Есть и донкихоты между нами. Встречаются и на Руси донкихоты.* < Донкихотишка... Уничиж. Донкихотский... *Д-ое поведение. Д-ие поступки.* По-донкихотски нареч. *Действовать по-донкихотски;* По имени Дон-Кихота — героя романа испанского писателя Сервантеса [1547 – 1616].

Донкихотствовать... Вести себя как донкихот. *Жизнь постоянно учит нас считаться с реальностью и не д.* Донкихотство... *Славянофильство есть русское донкихотство (Писарев)*» (Большой толковый словарь русского языка 1999: 274).

«Дон-Кихот... Фантазер, бесплодно борющийся с воображаемыми препятствиями за нежизненные идеалы /по имени героя романа исп. п. Сервантеса // прил. донкихотский.

Донкихотствовать... Вести себя донкихотом // сущ. Донкихотство» (Ожегов 1970: 169).

«Донкихот (Д прописное) (или донкихот) ... Фантазер, вызывающий насмешки бесплодной борьбой за свои идеалы (по имени героя романа исп. писателя Сервантеса XVI – XVII в.).

Донкихотский... (книжн.). Свойственный Донкихоту. Д. поступок.

Донкихотство... (книжн., ирон.). Донкихотское поведение.

Донкихотствовать... (книжн., ирон.). Вести себя по-донкихотски» (Ушаков 1935: 766).

Итак, ядро концепта — наивный мечтатель — признак, стоящий на первом месте во всех характеристиках.

Околоядерная часть — самоотверженная борьба за идеалы добра.

Периферия — бесплодная борьба за неосуществимые идеалы.

При использовании большего количества словарей поле получилось бы более обширным. Однако в данном случае мы стремились продемонстрировать соответствие Дон Кихота формальным критериям концепта. В пользу последнего утверждения говорит и то, что в указанных выше статьях «донкихот» пишется с маленькой буквы и в одно слово, что свидетельствует о процессе освоения его русской культурой, то есть из разряда «чужой» оно перешло в «свой», что проявляется и в разветвленных деривационных связях. Следовательно, донкихот — благородный наивный человек, самоотверженно борющийся за идеалы добра, — концепт русского языкового сознания и культуры.

Еще один момент обращает на себя внимание: в рассмотренных словарных статьях нет определения «благородный», хотя Е.С. Отин его приводит первым. В языковом сознании людей тоже возникает данный постоянный эпитет: Дон Кихот — благородный рыцарь.

Для объяснения этой загадки обратимся к этимологическим словарям. Так, в словаре Н.М. Шанского и др. читаем: «*Благородный*. Заимств. из ст.-сл. яз. Ст.-л. *благородьнь* — словообразовательная калька греч. *eugenēs*, где *eu* — «хорошо, благо», *genos* — «рождение, происхождение» (Шанский 1975: 48). Таким образом, благородный — первоначальное указание на дворянское происхождение. Появление атрибута «благородный» как дополнительной характеристики идадьго требует особого рассмотрения.

Прежде всего отметим, что в России первый незаконченный перевод «Ламанчского рыцаря Дон Кихота» появился в 1769 г., законченный (перевод Н. Осипова) — в 1791 г. Рецепция Дон Кихота в XVIII в. соответствовала скорее испанским образцам. Так, Л.Е. Пинский обращает внимание на следующий факт: первоначальное восприятие романа в России — литературно-пародийное: для А.П. Сумарокова «Дон Кихот» — только сатира на романы, Г.Р. Державин вводит слово «донкихотствовать», В.Г. Белинский интерпретирует образ Дон Кихота как человека с пламенным воображением, любящую душою, но без рассудка и такта действительности, И.С. Тургенев признает в донкихотстве высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны (Пинский 1971: 787-794).

Выдающийся литературовед М.М. Бахтин вводит роман в литературный контекст соответствующей эпохи, опираясь прежде всего на карнавальные формы, символы, гротеск, присущий Ренессансу, — все это приметы народной карнавальной культуры. Ученый делает следующий вывод: «роман прямо организован как сложное карнавальное действие со всеми его внешними аксессуарами. Глубина и последовательность сервантесовского реализма также определяется чисто карнавальным пафосом смен и обновлений» (Бахтин 1965: 300).

Литературная судьба данного персонажа детально описана литературоведами. Мы же обратимся к лингвоимагологическому анализу, целью которого является изучение образа народа или страны в языковом сознании другого народа.

Думается, в случае с «благородством» произошел метонимический перенос: качество, которым должны были непременно обладать лица благородного происхождения, в частности дворяне (а Дон Кихот был мелким дворянином — идалго), стало абстрактным признаком, что и закрепилось в современных толковых словарях:

Благородный. 1. Отличающийся безукоризненной честностью, самоотверженностью, великодушием; свойственный ему. *Это был на редкость б. человек. Б-ые чувства. Б. поступок, порыв. Б-ая задача, идея, мысль* // Проникнутый самоотверженностью, великодушием. Б-ая. Б-ые черты лица. 2. Выделяющийся своими особыми качествами, изяществом; исключительный. *Б-ая красота. Б-ая простота линий.* 3. В составе различных научных терминов. *Б-ые грибы* (белые, подосиновики, подберезовики и т.п.). *Б-ые газы* (инертные газы, считавшиеся неспособными вступать в химические реакции). *Б-ые металлы* (отличающиеся высокой химической стойкостью и красивым внешним видом в изделиях: золото, платина, серебро и т.п.). *Б. коралл* (красный коралл; идет на изготовление украшений). *Б. олень* (марал, изюбрь и др.). 4. *Только полн.* В России до 1917 г.: дворянского происхождения, относящийся к дворянам; предназначенный для них. *Б-ое собрание* (собрание дворян). *Б. пансион* (закрытое учебное заведение для детей дворян). *Институт благородных девиц* (закрытое женское учебное заведение для дочерей дворян) (Большой толковый словарь русского языка 1998: 82).

Данные словаря С.А. Кузнецова демонстрируют эволюцию значения «благородный» в русском языковом сознании: до 1917 г. — это сословная принадлежность, ставшая четвертым значением, к первому, современному значению. Этот же путь проделала неизменная характеристика Дон Кихота — благородный рыцарь. Указанный факт объясняет полное отсутствие данного определения в испанском и вообще западноевропейском языковом сознании.

Почему Дон Кихот стал своим для русских (и — смеем предположить — для восточных славян)? Обратимся к этнопсихологии.

Во-первых, Дон Кихот соответствует русскому социальному идеалу: «Утвердившийся в нашей отечественной культуре социальный идеал можно было охарактеризовать как аскетический; блага и радости жизни ... находятся под сомнением» (Мельникова 2009: 38).

Во-вторых, вера в идеал: «Самую главную черту российской психологии всегда составляла вера: в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал... Именно вера в идеал позволяла человеку вырваться за пределы обыденности, вынести всю тяжесть реальности» (Мельникова 2009: 39).

В-третьих, переимчивость русского человека, о которой писал А.С. Пушкин. Следовательно, образ Дон Кихота в русском языковом сознании динамичен, тогда как для испанцев он скорее статичен. Дон Кихот, естественно, полностью соответствует этнопсихологическим признакам своего народа: в его образе преобладают духовные и идеальные ценности, дух поиска приключений, индивидуализм. Даже современная

Ламанча, по наблюдениям современников, мало изменилась: до сих пор там множество ветряных мельниц, подобных тем, с которыми некогда воевал почтенный рыцарь, много домов с маленькими окнами и железными решетками. Узкие, обложенные камнем улицы, существуют столетия без перемен. Домашняя утварь — конические сосуды, которые тысячелетиями используются для оливкового масла, вина, маслин.

Для русских он оказался своим, помимо перечисленного, благодаря соответствию одной из черт русской ментальности, на которую обратил внимание А.С. Пушкин: «...отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (Пушкин 1962: 15). Таким образом, благородство испанского рыцаря никак не умаляет признаков его смешных черт и поступков.

Подведем некоторые итоги. Роман М. Сервантеса, впервые переведенный на русский язык в XVIII веке, оказался очень важным для русского языкового сознания. Не случайно великий А.С. Пушкин писал: «Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется, цель ее одна, средства те же. И, между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны» (Пушкин 1962: 358).

В XVIII веке имя Дон Кихота было лишь универсально-прецедентным, однако образ его оказался созвучен русскому языковому сознанию, ментальности и культуре, что обусловило усвоение образа благородного рыцаря. Его языковое освоение заключалось прежде всего в морфологическом освоении (оним стал склоняться по моделям имен существительных мужского рода), закрепилось написание, сформировалось словообразовательное гнездо.

Таким образом, имя Дон Кихота становится национально-прецедентным, а образ — концептом культуры, то есть «чужой» становится «своим». Данный процесс удалось выявить и аргументировать благодаря лингвоимагологическому и этнопсихологическому подходам.

Все исследование осуществлено с позиций лингвоимагологии, изучающей образ народа или страны в видении другого народа. Описан лингвокультурологический концепт «Дон Кихот». Определены этнопсихологические предпосылки вхождения Дон Кихота, ставшего национально-прецедентным именем, в русское языковое сознание. Предложенная модель анализа перехода образа «чужого» в «свой» может быть использована для анализа других образов и на материале других языков. В нашем случае это испанский Дон Кихот, ставший «своим» в русском языковом сознании и культуре. Возможными перспективами для исследования может быть изучение того, как персонажи из великой русской литературы перешли в языковое сознание других народов. Вне всякого сомнения, в иных культурах оставили след герои В. Шекспира. Следовательно, наша модель может варьироваться, а материал для исследований практически бесконечен.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАХТИН, М. (1965). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса*. Москва: Художественная литература.
- БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. (ред. Кузнецов, С.А.). (1988). СПб: Норинт.
- БУЛЫКО, А.Н. (2008). *Большой словарь иностранных слов*. Москва: Мартин.
- ИВАНОВА, Л.П. (2020). *Методология лингвистического исследования*. Киев: Издательский дом Дмитра Бурого.
- КРАСНЫХ, В.В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. Москва: ИТДГК Гнозис.
- КРЫСИН, Л.П. (2007). *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Изд-во ЭКСМО.
- МЕЛЬНИКОВА, Е.В. (2009). *Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект)*. Москва: Диалог культур.
- ОЖЕГОВ, С.И. (1970). *Словарь русского языка*. 8-е, стереотип. Москва: Советская энциклопедия.
- ОТИН, Е.С. (2004). *Словарь коннотативных собственных имен*. Донецк: ООО Юго-Восток Лтд.
- ПИНСКИЙ, Л.Е. (1971). «Сервантес» / *Краткая литературная энциклопедия*. т. 6. Москва: Советская энциклопедия.
- ПУШКИН, А.С. (1962). Критика и публицистика (т. VI) *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Москва: Гос. Изд-во Художественная литература.
- СВОДНЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ (1991). В 2 тт. (ред. Р.П. Рогожников) АН СССР. Ин-т русского языка. Москва: Рус. яз. т. 1. А-О.
- СТЕПАНОВ, Ю.С. (2001). *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический Проект.
- ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. (ред. проф. Д.Н. Ушаков). (1935) Т. 1. А-Кюрины. Гос. ин-т «Советская энциклопедия». Москва: ОГИЗ.
- ФЕЙХТВАНГЕР, Л. (1955). *Гойя*. Москва: Изд-во ИЛ.
- ШАНСКИЙ, Н.М., ИВАНОВ, В.В., ШАНСКАЯ, Т.В. (1975). *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Просвещение.

BIBLIOGRAPHY

- BAHTIN, M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i renessansa*. Moskva, Hudozhestvennaja literature.
- BOLSHOJ TOLKOVYJ SLOVAR RUSSKOGO JAZYKA (red. S.A. Kuznecov). (1988). SPb: Norint.
- BULYKO, A.N. (2008). *Bolshoj slovar inosrtannyh slov*. Moskva: Martin.
- FEJHTVANGER, L. (1995). *Gojya*. Moskva: Izd-vo IL.
- IVANOVA, L.P. (2020). *Metodologiya lingvisticheskogo issledovaniya*. Kyiv: Izdatalskij dom Dmytra Burago.
- KRASNYH, V.V. (2002). *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcyj*. Moskva: ITDGGK Gnozis.

- KRYSIN, L.P. (2007). *Tolkovyj slovar inoyazychnyh slov*. Moskva: Izd-vo JEKSMO.
- MELNIKOVA, E.V. (2009). *Kultura i tradicii narodov mira (jetnopsihologicheskij aspekt)*. Moskva: Dialog kultur.
- OTIN, E.S. (2004). *Slovar konnotativnyh sobstvennyh imen*. Doneck: OOO Jugo-Vostok Ltd.
- OZHEGOV, S.I. (1970). *Slovar' russkogo jazyka*. 8-e, stereotip. Moskva, Sovetskaja jenciklopedija.
- PINSKIJ, L.E. (1971). «Servantes». / *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija*. T 6. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija.
- PUSHKIN, A.S. (1962). «Kritika i publicystika» (t. VI). In: *Sobranie sochinenij v 10-ti tomah*. Moskva: Gos. Izd-vo hudozhestvennoj literatury.
- SHANSKIJ, N.M., Ivanov V.V., Shanskaia, T.V. (1975). *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. Moskva: Prosveshhenie.
- STEPANOV, Yu.S. (2001). *Konstanty: Slovar russkoj kultury*. Moskva: Akademicheskij Proekt.
- SVODNYJ SLOVAR' SOVREMENNOJ RUSSKOJ LEKSIKI: V 2 tt. (red. R.P. Rogozhnikova) (1991). AN SSSR. In-t russkogo jazyka. Moskva: Rus.jaz. t. 1. A-O.
- TOLKOVYJ SLOVAR' RUSSKOGO JAZYKA. (red. prof. D.N. Ushakov). (1935) T. 1 A-Kjuriny. Gos. in-t «Sovetskaja jenciklopedija». Moskva, OGIZ.